

КУБАНСКИЙ

КУРЬЕРЪ

Вторник 3-го Января 1912 г.

№ 306-й

Годъ издания пятый.

Цена 5 коп.

А. П. Чеховъ «о нравственности и художественности».

Среди писемъ Чехова къ Щеглову есть нѣсколько еще не бывшихъ въ печати. Письма эти будутъ напечатаны въ ближайшемъ номерѣ «Солнца Россіи». Одно изъ нихъ касается вопросовъ «нравственности и художественности», о которыхъ А. П. Чеховъ говоритъ съ присущимъ ему юморомъ но въ то же время серьезно.

«Вы пишете, что вамъ хочется жестоко поругаться со мной «въ особенности по вопросамъ нравственности и художественности», говорите неясно о какихъ-то моихъ преступленіяхъ, заслуживающихъ дружескаго упрека и грозите даже «вліятельной газетной критикой». Если зачеркнуть слово «художественности», то вся фраза поставленная въ кавычкахъ, становится яснѣе, но пріобрѣтаетъ значеніе, которое, по правдѣ говоря, меня не мало смущаетъ. Жакъ, что такое? Какъ понимать? Неужели въ понятіяхъ о нравственности я расхожусь съ такими людьми, какъ вы, и даже настолько, что заслуживаю упрека и особаго ко мнѣ вниманія вліятельной критики? Понять, что вы имѣете въ виду какую-либо мудреную, высшую нравственность, я не могу, такъ какъ нѣтъ ни низшихъ, ни среднихъ нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала намъ во время оно Іисуса Христа и которая теперь мнѣ, вамъ и Баранцевичу мѣшаетъ красть, оскорблять, лгать и проч. Я же во всю мою жизнь, если вѣрить покою своей совѣсти, ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ, ни въ разсказахъ, ни въ водевиляхъ не пожелалъ жены ближняго моего, ни раба его, ни вола его, ни всякаго скота его, не кралъ, не лицемѣрилъ, не льстилъ сильнымъ и не искалъ у нихъ, не шантажировалъ и не жилъ на содержаніи. Правда, въ лѣтности житіе мое иждихъ, безъ ума смѣяхся, обѣдахся, опихся, блудилъ, но вѣдь все это личное и все это не липаетъ меня права думать, что по части нравственности я ни плюсами, ни минусами не выдѣляюсь изъ ряда обыкновеннаго. Ни подвиговъ, ни подлостей—такой-же я, какъ большинство; грѣховъ много, но съ нравственностью мы квиты, такъ какъ за эти грѣхи я съ лихвой плачу тѣми неудобствами, какія они влекутъ за собой. Если же вы хотите жестоко поругаться со мной за то, что я не герой, то бросьте вашу жестокость за окно, а ругань смѣните на вашъ милый трагическій смѣхъ—это лучше.

А слова «художественности» я боюсь, какъ купчихи боятся жупела. Когда мнѣ говорятъ о художественномъ и антихудожественномъ, о томъ, что сценично или несценично, о тенденціи, реализмѣ и т. п., я теряюсь, нерѣшительно поддакиваю и отвѣчаю банальными полунамеками, которые не стоятъ и гроша мѣднаго. Всѣ произведенія я дѣлю на два сорта: тѣ, которыя мнѣ нравятся, и тѣ, которыя мнѣ не нравятся. Другого критеріума у меня нѣтъ, а если вы спросите, почему мнѣ нравится Шекспиръ и не нравится Златовратскій, то я не сумѣю отвѣтить. Быть можетъ, со временемъ, когда поумнѣю, я пріобрѣту критерій, но пока всѣ разговоры о «художественности» меня только утомляютъ и кажутся мнѣ продолженіемъ все тѣхъ же схоластическихъ бесѣдъ, которыми люди утомляли себя въ средніе вѣка.

Если критика, на авторитетъ которой вы ссылаетесь, знаетъ то, что мы съ вами не знаемъ, то почему она до сихъ поръ молчитъ, отчего не открываетъ намъ истины и непреложные законы? Если бы она знала, то, повѣрьте, давно бы уже указала намъ путь, и мы знали бы, что намъ дѣлать, и Фофановъ не сидѣлъ бы въ сумасшедшемъ домѣ, Гаршинъ былъ бы живъ до сихъ поръ. Баранцевичъ не хандрилъ бы, и намъ бы не было такъ скучно и нудно, какъ теперь, и васъ не тянуло бы въ театръ, а меня на Сахалинъ.